

УРОКИ ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. Г. НАЙМУШИН,

доктор экономических наук, профессор,
Южный Федеральный университет,
e-mail: velnii@novoch.ru

Анализируются теоретические и практические подходы к проблеме преодоления последствий самого глубокого за всю историю экономического кризиса 1929–1933 годов. Показано наличие общих черт и особенностей, связанных с методами и направлениями экономической политики времен «нового курса» и сегодняшними усилиями российской власти по осуществлению антикризисной программы.

Ключевые слова: Великая депрессия, «новый курс», инвестиции, занятость, государственное регулирование, социально-экономические реформы, модернизация экономики.

Коды классификатора JEL: N10.

Для большинства наших соотечественников события 1929–1933 годов, потрясшие мир капитализма, — далекая и потому не слишком актуальная историческая драма, которая не имеет к нам прямого отношения. Тем более, что она не оставила и не могла оставить следа в народной памяти страны, экономика которой развивалась в плановом режиме и не ощущала на себе грозных ударов циклического кризиса перепроизводства. Скорее наоборот. Шли годы первой советской пятилетки, и каждый из них приносил ощутимые успехи в развитии отечественной (прежде всего тяжелой) промышленности, а заодно и крепнувшую уверенность в том, что дни капитализма сочтены, что историческая правда на нашей стороне, а теория общественного развития, которой мы руководствуемся, действительно является единственно верной и всепобеждающей. Более того, кризис перепроизводства на Западе позволял быстрее и дешевле оснащать строящиеся у нас заводы и фабрики современным оборудованием, цена на которое существенно упала на мировых рынках в связи падением спроса со стороны развитых капиталистических стран.

Между тем мир капитализма в 1929–1933 годах действительно находился на грани катастрофы. Великая депрессия все стремительней вовлекала в водоворот безработицы, нищеты и отчаяния миллионы людей по обе стороны океана. В те годы, пожалуй, единственным теоретиком, который не побоялся взвалить на себя бремя моральной и интеллектуальной ответственности для ответа на главные вопросы дня, оказался великий английский экономист Джон Мейнард Кейнс. Это были нелегкие вопросы. Как преодолеть спад? Как спасти рыночную экономику от, казалось бы, неминуемого краха? И, наконец, как обеспечить работой и средствами к существованию огромные массы людей, выброшенных кризисом из нормальной жизни?

Обстоятельства появления на свет кейнсианской макроэкономической теории и бурная (продолжающаяся и в наши дни) полемика вокруг ее основных положений слишком хорошо известны и не требуют от нас детального рассмотрения. Напомним лишь, что теория Кейнса всем своим существом противоречила постулату неоклассиков о том, что конкурентный процесс непрерывно двигает рыночную экономику к устойчи-

вому состоянию всякий раз, когда она отклоняется в сторону недоиспользования своих производственных возможностей. Другими словами, теория до Кейнса настаивала на принципиальной способности рыночной экономики автоматически восстанавливать временно утраченное равновесие с полной занятостью. Революционный подход английского ученого состоял как раз в обосновании прямо противоположного утверждения — свободная рыночная экономика может долго находиться в состоянии спада и депрессии и выйти из него без активного государственного регулирования ей не дано.

Подчеркивая эту сторону кейнсианского учения, М. Блауг пишет: «Если в теории Кейнса и содержится что-либо поистине новое, так это именно продуманная критика этой веры во внутренние восстановительные силы рыночного механизма. Прочитав Кейнса, можно отрицать каждый элемент его аргументации, можно подвергать сомнению даже логическую состоятельность всей кейнсианской схемы, но невозможно сохранить веру в способность свободной рыночной экономики автоматически поддерживать полную занятость... В любом случае кейнсианская революция означала подлинный конец доктрины *«laissez faire»* [1, с. 607].

Основная рекомендация Кейнса правительству, ответственному за экономическую политику, звучала для того времени абсолютно неожиданно. Правительство должно увеличивать расходы, чтобы стимулировать эффективный совокупный спрос, а это, в свою очередь, будет способствовать развитию производства и появлению новых рабочих мест, а следовательно, снижению безработицы. Опасность, связанная с недостаточностью спроса, проявляется, по Кейнсу, через действие основного психологического закона, который гласит, что люди склонны, как правило, увеличивать свое текущее потребление, но не в той же мере, в какой растет их доход.

Действие «основного психологического закона» приводит к тому, что предприятия, производящие потребительские товары, не могут сбыть весь объем своей продукции. Они вынуждены сокращать производство, откуда возникает сокращение занятости. А поэтому занятость может расти только со скоростью роста инвестиций. Проблема, следовательно, в том, чтобы все сделанные сбережения превращались в инвестиции. В этом случае в дело вступает еще один дополнительный фактор, ускоряющий выход из кризиса. Кейнс назвал его мультипликатором (множителем). Он показал, что когда происходит общий рост инвестиций, то общий доход увеличивается не только в данной отрасли экономики, но и во всех смежных с нею отраслях, включая и те, которые, на первый взгляд, технологически от нее весьма далеки. Например, инвестиции в машиностроительной промышленности непременно вызовут рост инвестиций в производстве продуктов питания или одежды, поскольку машиностроители, увеличившие свои доходы, повысят спрос на предметы первой необходимости.

С точки зрения Кейнса увеличение экономической активности государства отнюдь не угрожает частной инициативе как основе рыночной системы.

Иными словами, рост экономической роли государства — это вовсе не конец рыночной экономики. Хотя этот процесс либералу кажется ужасным нарушением индивидуалистических принципов, он неизбежен и необходим, считает Кейнс. Это расширение государственных регулирующих функций видится ему единственно возможным средством избежать полного разрушения существующих институтов и условием плодотворного осуществления индивидуальной инициативы.

Конечно, теория Кейнса подвергалась острой критике с разных точек зрения. Под сомнение, в частности, ставился главный вопрос: способно ли правительство с помощью этой теории противодействовать цикличности или ее положения далеко не полностью учитывают невероятную сложность экономических отношений, которая может опрокинуть прогнозы автора «Общей теории»? [4, с. 67]. Выдвигались также

возражения против обобщенного подхода к оценке деятельности разных фирм на том основании, что в одних и тех же обстоятельствах фирмы действуют не одинаково. Указывали и на то, что неожиданная прибыль может нарушить равновесие по Кейнсу, а также на то, что нет гарантий, будто растущие расходы государства вдохнут жизнь в стагнирующую экономику.

Наиболее серьезный критический довод состоял в том, что Кейнс не так уж далеко ушел от неоклассической теории. Ведь она рисовала картину устойчивого экономического равновесия, соответствующую периодам полной занятости. А это означало, по мнению критиков, что, как только более или менее достигается такая ситуация, неоклассический метод анализа становится таким же полезным, как и прежде. Таким образом, продолжали критики, теория Кейнса представляет собой просто частный случай более общей теории Маршалла и не может иметь значения для процветающей экономики.

Если отвлечься от сугубо теоретических аспектов кейнсианского учения, то в сухом остатке мы имеем две важные идеи. Во-первых, глубокую убежденность Кейнса в безальтернативности государственного вмешательства в процесс функционирования рыночной экономики. И, во-вторых, его твердую приверженность системе частного предпринимательства, что бы ни говорили на этот счет его противники.

Дело, следовательно, не в том, чтобы отказаться от частной инициативы и частного предпринимательства в пользу расширения государственных функций по регулированию экономики, а в том, чтобы найти приемлемый баланс этих двух начал. «К 30-м годам тезис о существовании конкуренции между многими фирмами, которые неизбежно являются мелкими и выступают на каждом рынке, стал несостоятельным. С конца прошлого (XIX. — *Авт.*) столетия гигантская корпорация становится все более характерной чертой делового мира. Ее влияние признавалось везде, кроме экономических учебников» [2, с. 40].

Однако центральное место в системе государственного регулирования Кейнс отводит все же не борьбе с монополиями, а двум способам стимулирования производства, которым он придает решающее значение. «Стремясь к установлению общественно контролируемой величины инвестиций... я поддержал бы вместе с тем все мероприятия, направленные на увеличение склонности к потреблению, ибо, что бы мы ни делали в области инвестиций, вряд ли можно будет поддержать полную занятость при существующей склонности к потреблению. Таким образом, имеется достаточно оснований для одновременных действий в двух направлениях — и увеличения инвестиций, и увеличения потребления» [3, с. 398–399].

Исторически сложилось так, что проверить практическую применимость своих идей Кейнсу удалось прежде всего на американской, а не на английской почве. В 1932 году пост президента США занял человек, от которого ждали «политического и экономического чуда». Этого человека звали Франклин Делано Рузвельт. Глубокая погруженность Америки 30-х годов в экономические проблемы объективно требовала от него кардинального изменения экономической политики. И оно действительно произошло, войдя в историю США под именем «нового курса». Причем лечение недугов американской экономики началось еще до того, как «врачи» (в том числе и Кейнс) выписали соответствующие рецепты. «Лекарство было применено еще до того, как медицинские светила окончательно убедились в его действенности. Первые сто дней «нового курса» породили такой мощный поток социального законодательства, который до этого сдерживался плотиной государственного безразличия в течение почти 20 лет. Эти законы были призваны повысить социальный настрой и укрепить мораль недовольной нации. Но не социальное законодательство было призвано вернуть

к жизни пациента. Главное тонизирующее средство виделось в другом — в намеренном расширении *государственных инвестиций*» [9, с. 239].

В результате уже в первые годы проведения «нового курса» правительство США превратилось в крупного экономического инвестора. Америка активно занялась реализацией проектов строительства и сооружения дорог, плотин, общественных зданий, аэродромов, морских портов, жилищ и т. п.

Приехав в Вашингтон, Кейнс стал активно настаивать на увеличении инвестиционных программ государства. Он аргументировал свою позицию тем, что частные инвестиции достигли к этому времени своей низшей точки. С 1929 по 1932 год произошло их снижение на 94 %, и надо было сделать что-то для того, чтобы запустить инвестиционный мотор, который способен вызвать рост экономической активности. А поскольку частный капитал оказался в условиях кризиса не способен это сделать, постольку Кейнс делал безупречный логический вывод — функцию инвестирования должно взять на себя государство. Не случайно поэтому, «когда «Общая теория» Кейнса увидела свет в 1936 году, она была воспринята не столько как новая радикальная программа действий, сколько как защита уже проводившегося курса, как его объяснение» [9, с. 240].

Между тем, было бы крайним упрощением представлять себе дело так, как будто Рузвельт именно благодаря Кейнсу обрел твердую почву под ногами и получил от гениального экономиста окончательное подтверждение своего курса. Этот курс как раз в описываемое время проходил один из критических этапов своего осуществления. Дело в том, что Рузвельту была известна в общих чертах позиция Кейнса. Однако американский президент испытывал определенные сомнения в том, что усиление роли государства окажет благотворное воздействие на ускорение экономического роста в США. Природа этих сомнений, в общем, понятна. Буржуазному политику сама мысль о необходимости активизировать роль государства не могла представляться вполне respectable. На это он может пойти лишь в чрезвычайных обстоятельствах. А в 1934 году уже появились явные признаки выздоровления американской экономики. Так стоит ли и дальше экспериментировать с государственным регулированием и не лучше ли предоставить, оживающим рыночным силам довести до конца процесс восстановления экономического роста. Такие настроения были характерны не только для испытывавшего колебания президента, но и для многих влиятельных членов его администрации. По свидетельству министра труда г-жи Ф. Перкинс, формула Кейнса, что в «случае если происходит падение частных инвестиций, то государственные расходы должны быть увеличены», широкого признания среди них не получила» [5, с. 225].

Сомнения такого рода свойственны и современным американским экономистам-историкам, которые стремятся извлечь полезные для сегодняшнего дня уроки из теории и практики «нового курса». Еще в середине 80-х годов прошлого века американский историк-экономист Р. Уэпплз провел опрос среди 180 своих коллег, в ходе которого выяснилось, что применительно к Великой депрессии тезис о том, что, взятая в целом, политика «нового курса» способствовала увеличению продолжительности этого глобального кризиса, разделяют 50 % экономистов.

Что касается Кейнса, то, с его точки зрения, основная дилемма «нового курса» заключалась в необходимости последовательно решать две сложнейшие задачи. «Вы стоите перед двойной задачей, — писал Кейнс Рузвельту, — восстановлением и реформой: преодолением экономического кризиса и проведением давно назревших социально-экономических реформ. Что касается первой задачи, то для ее достижения крайне важны темпы и быстрые результаты. Реализация же второй задачи также может быть крайне необходима, но поспешность ее осуществления способна нанести не-

малый ущерб, и поэтому крайне важно в первую очередь определиться с долгосрочной целью, нежели достичь ее в кратчайшие сроки» [7, с. 290].

Вполне понятно, что речь в данном случае идет не только об Америке, но и вообще о любой стране, которая по тем или иным причинам переживает депрессивное состояние. Именно перед такой дилеммой стоит и современная Россия, которая должна одновременно преодолевать последствия мирового кризиса и определять пути модернизации своей экономики, диверсификации ее отраслевой структуры, повышения конкурентоспособности отечественной продукции и т. д. Для решения второй задачи окажется крайне необходим высокий престиж современной российской власти, а он может быть сохранен и упрочен только в том случае, если будет обеспечен успех краткосрочного восстановления. Именно он даст необходимые движущие силы для реализации программ долгосрочного развития. Таким образом, нашей ближайшей целью является не радикальное реформирование, рассчитанное на далекую перспективу, а увеличение национального дохода и обеспечение работой всех, кто в ней нуждается. В этом направлении должны работать три фактора. Во-первых, рост расходов населения, во-вторых, рост инвестиций делового сообщества, в-третьих, рост расходов по линии государственного сектора за счет займов или внутренних источников, включая золотовалютные резервы, накопленные за годы благоприятной конъюнктуры на внешних рынках энергоносителей. Рассуждать о динамике и роли каждого из этих факторов на разных этапах кризиса нам уже нет необходимости, ибо за нас это уже сделал Дж. Кейнс. В плохие времена первый фактор не может проявить свое действие в достаточной мере. Второй фактор вступает в действие только в форме вторичной атаки на экономический кризис, после того как расходы государственного сектора создадут мощное течение. Поэтому только третий фактор и может обеспечить сильный первоначальный толчок к экономическому восстановлению.

Таким образом, центральным пунктом программы Кейнса, которая, как нам представляется, имеет универсальный характер и вполне приложима к нашим условиям, выступает требование увеличить государственные расходы, призванные напрямую стимулировать промышленное производство.

Еще раз подчеркнем: Кейнс вовсе не был сторонником безграничного расширения во времени и в пространстве государственного регулирования экономики. Он никогда и не скрывал, что именно в укреплении деловой уверенности бизнес-сообщества видит главный инструмент восстановления капиталистической экономики. Что же касается функциональной роли государственных расходов, то он считал их инструментом переходного периода. Его следует применять до тех пор, пока частный капитал не возобновит своей нормальной деятельности. Именно это обеспечит настоящее преодоление экономического кризиса.

Как ни парадоксально это звучит, но именно такой подход к соотношению роли частного бизнеса и государства в условиях развитой рыночной экономики XX столетия казался совершенно неприемлемым автору «нового курса». С точки зрения Рузвельта, государственное регулирование должно стать постоянной составляющей западной экономики. В противном случае неизбежно повторение таких событий, как биржевой крах 1929 года и последовавший за ним экономический кризис. Они стали следствием безудержной гонки верхушки американского общества за сверхприбылями и накоплением личных богатств.

В этом, собственно, и состоит принципиальная разница в позициях Кейнса и Рузвельта. Первый из них рассматривает государственное регулирование экономики как вынужденную меру кризисного периода развития капитализма, а второй видит в нем инструмент социального реформирования, с помощью которого можно и нужно предотвращать крайне негативные для общества последствия «грубого индивидуализма» и безудержной погони за прибылью любой ценой. Кейнс считал, что главная зада-

ча государства состоит в том, чтобы обеспечить максимально благоприятные условия для инвестиционной деятельности крупного капитала, который выведет, в конечном счете, экономику из кризиса. Рузвельт же, в свою очередь, был уверен, что этого недостаточно. Государство должно взять на себя более широкую миссию — осуществление социальных программ и регулирование деятельности крупных корпораций в интересах большинства населения Америки.

В ряде выступлений и речей Рузвельт прямо призывает к отказу от философии свободного рынка и утверждает, что республиканцы вводят в заблуждение общество, когда утверждают, будто экономические законы неизменяемы, священны, нерушимы. Что именно они способствуют возникновению паники, которую никто не может предотвратить. «Но пока они городят всякую чепуху об экономических законах, люди голодают. Мы должны распрощаться с представлением о том, что экономические законы являются продуктом природы. Они творятся людьми» [6, с. 657].

Встреча с Кейнсом окончательно убедила президента-демократа в необходимости проведения радикальных экономических реформ, поскольку процесс еще не приобрел необратимого характера. Ведь стоит вернуться к нормальным (докризисным) формам экономической жизни, как необходимость в чрезвычайных расходах государства, согласно кейнсианской концепции, отпадет сама собой, и ни о каких социальных реформах нельзя будет и мечтать. Следовательно, послушав Кейнса, Рузвельту надо было поступить с точностью до наоборот, то есть решительно приступить к реализации стратегии социальных реформ и вселить большую уверенность не столько в деловое сообщество, сколько «в наиболее обездоленную третью часть американской нации — голодную, бездомную и одетую в лохмотья» [10, с. 448].

Именно с этой целью в июле 1934 года Рузвельт инициирует подготовку законодательства о социальном обеспечении, которое становится основополагающим в этой сфере вплоть до конца XX столетия. Закон был принят 15 августа 1935 года, и при его подписании Рузвельт сделал следующее программное заявление. «Мы никогда не сможем обеспечить на 100 % защиту всему нашему населению против подстерегающих его опасностей и превратностей жизни, но мы попытались разработать закон, который обеспечит определенную защиту для среднего гражданина и его семьи в случае потери им работы и нищеты в старости». Одновременно этот закон, по словам президента, «преследует цель уменьшить возможность проявления депрессий в будущем» [8, с. 79].

Разумеется, закон о социальном обеспечении немедленно вызвал волну критики со стороны тех слоев общества, чьи интересы он ущемлял. Ведь в законе говорилось, что финансирование мероприятий по социальной защите будет происходить за счет взносов предпринимателей. Но Рузвельт не собирался уступать в этом принципиальном вопросе. Он полагал, что в данном случае все дело в том, чтобы исключить в будущем возможность для любого «поганого политикана» лишить налогоплательщиков юридического, политического и морального права на получение пенсий и пособий по безработице. И это становилось возможным именно благодаря системе налоговых отчислений из прибылей предпринимателей.

Параллельно шла разработка нового налогового законодательства. Оно имело целью создание системы государственного перераспределения доходов. Администрация исходила из того очевидного факта, что богатейшие люди находятся в куда лучшем положении, чем средний американец, и поэтому имеют возможность выдерживать тяготы дополнительного налогового бремени без особых потерь. Зато повышение налогов на эти слои общества положительно скажется на уменьшении огромных разрывов в экономических возможностях. Рузвельт, который до известного времени довольно безразлично относился к нуворишам, в июне 1935 года в интересах социальной реформы направляет в Конгресс законопроект, который предусматривает

повышение налогов на прибыли корпораций и на выплачиваемые дивиденды, введение дополнительных налогов на наследство и т. п. Иными словами, он посягает на часть доходов наиболее состоятельной части американского общества. В деловых кругах и консервативных средствах печати поднялся такой вой протеста, который не сопровождал до этого ни одну инициативу Рузвельта. В правых газетах была запущена мощная пропагандистская компания, во время которой президента обвиняли, чуть ли не в подрыве устоев американского общества. Рузвельту удалось осуществить свою налоговую революцию только ценой огромных усилий. Налоги на прибыли корпораций и богатейших слоев американского общества возросли в 4 раза, а их доля в федеральном бюджете увеличилась с 12,3 % до 19,1 %. Эта компания борьбы за новое налоговое законодательство отняла у Рузвельта немало сил, но и принесла ему огромную радость, ибо ее успешное проведение закладывало, как он считал, краеугольный камень новой Америки.

Между тем в 1937–1938 годах в Америке наступил очередной экономический спад, и Кейнс считал этот момент вполне подходящим для того, чтобы в последний раз попытаться убедить президента США в том, что главное условие выхода из кризиса не развитие социальных программ, а укрепление уверенности деловых кругов, что только она является единственным гарантом оживления инвестиционных процессов и выхода из очередного витка депрессии. Однако Рузвельт и на этот раз не согласился со своим оппонентом. Он по-прежнему настаивает на том, что сохранить демократические институты Америки (а в этом он видит свою главную задачу) невозможно, если не подвести под них прочный фундамент экономических и социальных гарантий для наиболее обездоленных слоев населения. В противном случае события могут развернуться так, как в нацистской Германии или большевистской России. Это фундаментальное соображение укрепляло уверенность Рузвельта в правильности избранного им курса социальных реформ, которые были направлены на ограничение экономической власти самых богатых слоев американского общества.

Конечно, действия администрации в рамках «нового курса» не были избавлены от ошибок и заблуждений. Ей приходилось на ходу определять, какие его элементы станут постоянными в экономической политике США, а какие носят преходящий характер. И все же надо признать, что Рузвельту и его единомышленникам удалось сделать главное. Их политика формирования «государства благосостояния» оказалась в целом успешной. Этот успех был обеспечен глубоким пониманием того факта, что без общенациональных и притом крупных социальных программ федерального правительства система частного хозяйственного капиталистического производства лишена будущего. Причина этого заключается прежде всего в том, что обеспечить расширенное воспроизводство важнейшего фактора развития современной экономики — человеческого капитала возможно только с помощью нацеленной на решение этой задачи социальной политики.

Америка и сегодня, несмотря на финансово-экономический кризис, тратит огромные средства на программы развития человеческих ресурсов. Именно эти программы стали в эпоху глобализации одним из инструментов достижения цивилизационной конкурентоспособности США и обеспечивают их доминирование в современном мире. В этом значительная заслуга Ф. Д. Рузвельта. Именно он сумел вдохнуть вторую жизнь в американскую политическую систему, не поддавшись уговорам Кейнса сделать главный упор на обеспечение «уверенности деловых кругов». Рузвельт сделал гораздо больше, чем просто вытащил Америку из Великой депрессии. Он подвел под демократические институты США экономическую базу, позволившую сохранить и развивать эти институты, созданные еще в XVIII столетии отцами-основателями американской политической системы. Пожалуй, именно в этом заключается непреходящий урок «нового курса» для всех современных правительств, в том числе и нашего собственного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 607.
2. Гэлбрейт Д. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979. С. 40.
3. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 398–399.
4. Arthur F. Burns. The Frontiers of Economics Knowledge. N. Y. — 1954. P. 67.
5. Perkins F. The Roosevelt I Knew. N. Y., 1946. P. 225.
6. Public Papers Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 1. N. Y., 1938. P. 657.
7. The Collected Writings of John Maynard Keynes. Activities 1931–1939. Vol. XXI. P. 290.
8. The New Deal. Documentary of the United States. Columbia, 1968.
9. Heilbronner R. The Worldly Philosophers. N. Y., 1946. P. 239, 240.
10. Harrod F. The Life of John Maynard Keynes. London, 1951. P. 448.